

ВИТАЛИЙ МАХНАЧ

НЕТ

ЭССЕ. РАССКАЗЫ. ПОВЕСТИ

Виталий Махнач

Нет. Эссе. Рассказы. Повести

«Издательские решения»

Махнач В.

Нет. Эссе. Рассказы. Повести / В. Махнач — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851147-9

Встреча того, что было и того, что могло бы быть — это и есть литература. Это истории о людях, событиях, мечтах и взглядах на мир. Истории о времени и отторжении живущего в нём человека.

ISBN 978-5-44-851147-9

© Махнач В.
© Издательские решения

Содержание

Эссе	6
Тень творения	6
Ноги	7
Хот-дог	8
Ладони Солнца	9
Жена	10
Время Луны	11
Мечта	11
Исход	12
Восхищение	13
Время Луны	14
Помни обо мне	15
Человек и фотография	16
Ожидание	18
Страх и любовь	19
Час і павага	21
Пересечь океан	22
Рассказы и Повести	23
Вызов	23
НЕТ	28
Часть 1. Вавилон	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Нет Эссе. Рассказы. Повести

Виталий Махнач

© Виталий Махнач, 2017

ISBN 978-5-4485-1147-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эссе

Тень творения

Главное начать. И начав, увидеть, как уже не только автор создаёт своё произведение, но и оно само формирует себя, вытаскивая из глубин авторской памяти обрывки событий, мыслей и вопросов. И все они растворяются в созданном так, что и не разглядеть посторонним людям того, что кроется за каждой строкой, аккордом и мазком кисти...

Так не развернуть ли нам все сюжеты вспять? И пойдут они в наше прошлое, вскрывая всё на своём пути. И даже приснопамятные сожжённые мосты восстанут из пепла. Зачем? Зачем восстанавливать в иллюзорном мире то, что было сознательно разрушено в мире реальном? И куда уведёт нас иллюзия наших же собственных творений?

Она поведёт нас в тот мир, в котором нет наших слабостей. Нет их лишь потому, что ими мы наделили весь этот мир, и слабости наши стали нормой. Наконец-то мы придумали способ борьбы с нормой, разрушая её собственной слабостью и ленью.

К чему всё это? И как далеко могут завести рассуждения, которые нельзя ни подкрепить фактами, ни опровергнуть, ведь относятся они все к несуществующему в мире материального? А к тому все эти рассуждения, что текст рождается в процессе письма. И если объективный автор из плоти и крови вполне реален и конкретен, то субъективный автор – процесс письма – бессознателен и призрачен. Но только его участие и делает любой текст выстраданным, эмоциональным, и проникающим в суть жизни. И только эта тень, которая возможно важнее автора, её отбрасывающего, дарит радость творчества.

Так творцы мы или ремесленники, собирающие бездушный механизм? В поисках ответа – оглянитесь на тень Творца, вдохнувшего в вас жизнь.

Ноги

Дорога лечит. Дорога убирает пыль сиюминутной толчеи. Дорога освобождает, позволяя и принуждая выбирать постоянно. Она мобилизует и укрепляет. Есть здесь и сейчас, и завтра будет совершенно иным, но став настоящим, заставит действовать быстро и довольствоваться малым, тем самым породив будущее без накопления ненужного хлама. В тебе живёт кочевник, как бы его ни травили, в глубине твоего существа он не сдаётся, и не умирает.

Чтобы идти, нужны ноги. И в тот момент, когда они подкашиваются, дорога обрывается. И больше не лечит. И ты ешь самого себя, изнурённый не столько болью, сколько клеткой, из которой не позволяет вырваться болезнь. Болезнь физическая или боль духовная – что хуже?

Чтобы идти по дороге, нужен разум. Заковав его в клетку, отбивают само желание идти, уничтожают любовь и тягу к дороге. Но сковав ноги, превращают человека в зверя в клетке. В клетке, прутья которой нельзя разорвать. Их нет, но и возможности идти, также нет. Боль физическая ломает твой образ жизни. А за этим приходит уничтожение твоего психологического мира. Тобой созданного убежища, в котором есть гавани и домики в глухих местах, о существовании которых известно только тебе, и в которых ты находишь успокоение и спасение. Именно там ты отдыхаешь в пути. В пути, который является сутью реальности, её плетением.

И вот пути нет, нет возможности идти по нему, и самой способности двигаться. И как бы ни пугали тебя пустотой разума, психологическим надломом – всё это игры, в которые ты можешь играть. С пустым разумом живут и никогда не поздно его наполнить, хотя вряд ли это сделает тот, кто не стремился к познанию изначально. Психологические удары могут сломать, но если их выдержал, то уже не сломают. А как выйти из под ударов, которые наносит тело?

Поможет ли здесь сознание? Вера? Разум? Да. Если хватит сил и способностей их использовать. Иначе именно слабость тела приведёт к слабости духа и его окончательному крушению. А за этим порогом тупик. Ноги больше не пойдут по дороге, главной дороге, дающей так много возможностей выбирать.

Хот-дог

Хот-дог для многих стал символом фастфуда и американского влияния. Символом массовой культуры запада. Но все лозунги не стоят ничего. Ценны только дела. Ценен образ жизни. Семья. Уважение и принципы. Интересы и чувства, эмоции. И конечно же, мелочи, из которых состоит жизнь и которые и создают эмоции сегодня и эмоции дня вчерашнего, в памяти.

Хот-дог, как и многое, что пришло к нам в конце 80-х, стало такой мелочью для детей 90-х. Не стоит говорить громких слов о «символах свободы». Смешно это, также как и развешивать все символы, имитировавшие свободу. Но не будем об этом. Лучше – вспомним...

Мой город встречал меня серыми девятиэтажками, их дворами, магазинами и школами. Постсоветский пейзаж, который всегда находит место среди лидеров уныния. Но в детстве этого не понимаешь. Не понимаешь, потому что ещё не задумываешься и не проводишь параллели между этой серостью и серостью жизни. И потому, что тяга к поиску ещё не знает границ и не даёт покоя. И вот за пределами заводского района открывается мир, по сути такой же серый, но для ребёнка самый яркий! Его улицы, шумные толпы людей, рынки и вокзалы, мосты и дворы, контрастирующие со всем этим шумом.

Выход в город. Без родителей. Ход навстречу Солнцу! И там, возле вокзала, стоял этот ларёк с хот-догами. Почему именно он так врезался в память? Ведь была масса другого, те же шумные рынки и дорога, практически всегда одна и та же, но, тем не менее, приносившая удовольствие сама по себе. Ларёк стал отличным дополнением к остальным столь же бытовым образам. Стоял он один, в окружении высоких зданий. И казались те хот-доги чем-то очень вкусным. Нет, я не голодал, я был сыт и одет. Но, тем не менее, хотелось в будущем, взрослом будущем, есть их больше и больше. И верилось, что так и будет. Один из образов сытости в глазах ребёнка.

Нет сегодня того ларька. Очень давно нет. Хот-доги, что кое-где по-прежнему продают, стали хуже. Возможно, они не были столь вкусными тогда, но объективно стали ещё хуже сейчас. Как и всё, что производится в этой стране. На месте ларька большая палатка-забегаловка, в которой продают всяческий фастфуд, видом напоминающий биологическое оружие. Палатка эта уже не вызывает никаких образов и эмоций, кроме серости и тоски. Как и в целом эта страна. Разве что мосты, дороги, закоулки и Солнце по-прежнему радуют. Потому что они вне времени. Они фон самой жизни и её отражение. А тот ларёк с хот-догами был мелочью, придающей вкус определённому времени этой жизни.

Ладони Солнца

«Солнышко, ты что будешь – чай или кофе?» – наверное, так она спрашивала, когда была маленькая, и играла с набором посуды и куклами.

Мы стоим и пьём чай из пластиковых стаканчиков в кафетерии универсама «Центральный», места оваянного славой уличных легенд Минска нескольких поколений. Я слушаю её и смотрю на её руки. Руки, которые приковывали мой взгляд всегда. Как слух всегда ловил её нежный голос.

Она прекрасная девушка. Прекрасная молодая женщина. Белоснежная кожа. Очень бледная, и очень красивая. Рыжие с неповторимым оттенком волосы. Немножко еле заметных веснушек, словно щепотка специй, делающих необыкновенным блюдо, делали таковой её кожу. Ямочки на щёчках так тонко подчёркивающие её улыбку. И эти руки. Их могли бы писать великие мастера на своих полотнах. Нежные тонкие пальцы и аккуратные ладони, сияющие своей белизной.

Она всегда заботилась о тех, с кем была рядом. И заботится о тех, с кем рядом сейчас. Такие женщины восхищают. Они освещают окружающий мир своей красотой, как бы пафосно и банально это не звучало.

Осенняя сырость и промозглый холод. Мокрые улицы, серое небо. Ты идёшь бесцельно по улицам, сворачивая в переулки, подальше от толчеи центральных улиц. Вспоминаешь, думаешь и мечтаешь. И тут видишь такую женщину. Ну что это может изменить? Она всего лишь пройдёт мимо. Но этого достаточно, чтобы забыть о своих мыслях. И погрузиться в восхищение этим мимолётным образом, остановившим свой взгляд на мгновение и оставившим тень улыбки и шлейф духов.

Она была такой. А я иногда был рядом. И пытался её красотой. Грелся в лучах этой лучезарной красоты. Она восхищает, и по прошествии лет не стираются эмоции восхищения. И благодаря им я могу писать.

Есть женщины, упуская которых, потом жалеешь. Есть женщины, с которыми никогда не был, и не мог упустить. Или был друзьями, знакомыми. Они дарят всего лишь эпизоды, а не долгие истории с многочисленными взлётами и пропастями. Но эти эпизоды не покрываются осадком впоследствии. Ведь порождают эпизоды образы. Образы, лишённые сложных вопросов быта и проблем взаимоотношений. Потому они и нетленны, что не от мира сего. А от мира внутреннего. Того, что в голове и душе. И такие женщины – они тоже от мира, в котором нет места отвращению и тоске, ненависти и безысходности. Они там, где тьма всего лишь тень света. А свет излучают они. Наши солнечные подруги, сёстры и возлюбленные.

Жена

Жена для мужа. И муж для жены.

Древняя истина настолько безупречна в своей сути, что не может померкнуть со временем. Пока существует человечество – его отражает эта истина. Если ты не осознал её в своём личном мире, то и будущее твоё идёт в тупик. И чтобы ты не оставил людям, они постепенно забудут об этом. А тех, кто будет помнить – нет. Ибо нет той жены, которая для тебя, для мужа.

Она очень умная женщина. С молодости, получив тяжёлые удары жизни, она выдержала и научилась хранить своих близких. Научилась жить.

Она не из серой массы. И не стремилась, во что бы то ни стало выглядеть «альтернативной». Именно поэтому и стала настоящей, собой. С ней можно говорить о многом. У неё есть собственные интересы и собственное мнение, а значит уважение к взглядам других людей.

У неё есть любовь. Осознанная, и благодаря этому не тающая как сиюминутная страсть. Она жена и мать. И её сила и любовь – это её семья. Воспитание сына. Радость жизни с мужем. В этом и есть та полноценность жизни, которую не купить за деньги. И которая неведома жертвам тусовок.

Стать женой значит не получить штамп в паспорт, а обрести мудрость и семейные ценности. Хорошая жена – это женщина, познавшая мудрость в себе.

Она – хорошая жена. Это не просто констатация факта, но и высшая похвала в её адрес. Семья не мешает ей быть свободной, ведь умный муж не будет тираном. Тирания рушит семью, превращая её в тюремный режим. Разум и любовь превращают её в счастливый мир.

Не ищите противоречия там, где их нет. Не создавайте надуманных конфликтов. Не боритесь за власть с близкими. Семья – это тот мир, в котором проще всего построить свободное общество и гармоничные взаимоотношения. Проще всего, если вы откроете в себе разум, чувства, веру и объедините их мудростью, прогоняющей прочь пороки.

Муж для жены своей. И жена для мужа своего.

Время Луны (цикл эссе)

Мечта
Исход
Восхищение
Время Луны
Помни обо мне

Мечта

«У меня есть мечта».

Мартин Лютер Кинг

Мечта о будущем. Будущем, в котором нет «своих» и «чужих», но есть люди. Мечта не только о себе. Мечта обо всех нас. Мечтать, чтобы жить. И жить, чтобы воплощать мечты в реальность.

Утеряв мечту, превращаешь жизнь в существование. Он сохранил мечту, потеряв жизнь. Жизнь тела. И обретая вечность, вечную жизнь своей души. Имя его в памяти людской. И имя его вдохновляет. Вдохновляет мечтать.

Мир, виденный им, не слишком изменился. Но как смотрим на этот мир мы? Мир, в котором есть добро, и есть зло. Мир, в котором можно навсегда утонуть в ненависти, и к ней толкают очень многие и многое. Можно поддерживать огонь вражды, о которой помнят все, но причины которой не помнит никто. И пучина ненависти, покрыв с головой, не позволит познать мир. Закроет в клетке собственной злобы и оставит в пустоте незнания. Горе тому, кто посчитает клетку счастливым домом.

Но можно в мире этом открыть бесконечность. И станет он настолько ярким, что света этого хватит всем вокруг. И тьма не закроет его, а только подчеркнёт тенью, сделав ещё красивее. И мельчайшие оттенки этого мира – награда испытывающему страсть познания.

Разнообразие – символ величия Творца. И величие это отражено в мельчайшем из Его творений. Познание мира – это и есть путь к Нему, путь к вечности и мудрости. И сколько раз ты испытаешь восхищение на этом пути познания! Восхищение, приводящее к счастью.

Можно ли не мечтать об этом? А если мечтаешь, то важнее другой вопрос – как воплотить мечту? Как не споткнуться и не поддаться соблазну закрыться в маленьком, но зато постоянном и понятном мирке? Как не погрязнуть в ненависти, отвечая ею на ненависть других? Ведь не подставлять же постоянно вторую щеку под удар. Нужно за око забрать око и зуб за зуб, иначе не выживешь. Реальность кладёт крест на плечи даже самым добрым и возвышенным. Что выберешь ты – любовь и гибель, или ответную ненависть и жизнь? А может быть всё значительно проще? Как гласит совет, услышанный и повторённый Буддой: «Если ты натянешь струну слишком сильно, она лопнет. Если ты натянешь струну слишком слабо, она не будет играть». Принимай вещи такими, какие они есть. Понять, каков на самом деле окружающий тебя мир – значит познать его, себя и своё место в мире. И только так ты сможешь понять, что в этом мире хочешь изменить. А значит – сделаешь шаг к своей мечте. И не только добром, но и ответным ударом, помня и не переступая грань, за которой защита становится нападением и разжигает ненависть, которую уже не затушить.

И мир наш сегодня пылает. Расы, религии, нации и культуры ненавидят друг друга. Но столько же и тех, кто стремится открыть для себя другие культуры. И если первые жгут мосты, по которым идёт любовь, то вторые – отказываются идти по мостам, проложенным

ненавистью. И обретают свободу, которой хватает и на их жизнь, и на жизнь их детей. И потому так ненавидят их те, кто создаёт клетки. Но только тебе решать – сидеть в клетке или выйти из неё. Раб, осознавший свою зависимость, тем самым сделал первый шаг к освобождению. И сломив его тело, забрав у него внешнюю свободу, уже невозможно отнять свободу внутреннюю. Потому что эта свобода – его мечта. А тот, у кого есть мечта – не станет добровольным рабом, каким бы комфортным ни было рабство.

У него была мечта. И он точно знал, чего хочет. Он шёл к этой мечте, понимая, что при жизни он не увидит её воплощения. И возможно, прорываясь к ней сквозь многочисленные преграды, он потеряет саму жизнь. Земную. И обретёт вечную. В памяти людей. И там, за границами нашего познания этого мира.

Исход

Удивляет ли тебя моя отрешённость от шумного общества? Моя любовь к местам пустым и брошенным человеком, по которым он спешит пройти быстро, и не оглядываясь? Тем меня и привлекают эти места, брошенные людьми и потому естественные, вернувшиеся в лоно природы. Здесь всё начинается. Начинается моё погружение в мир, про который человек забыл и потому не испортил. Здесь начинается моё погружение в те радости жизни, о ценности которых многие говорят, но не многие их действительно ценят. Сколько раз ты слышала, что нужно радоваться Солнцу, небу, прогулке по лесу и пению птиц? Однако часто ли останавливаются и радуются те, которые говорят об этих ценностях, но сами вечно спешат в погоне за совершенно другими благами?

Я в определённый момент не только понял, но и что важнее в данном случае, прочувствовал, насколько дорого небо и утренний ветер, разгоняющий облака. Насколько неповторимо пение птиц в сумерках, на пустой дороге, где только камни шуршат под ногами. Хотя и мне свойственна спешка, и не смог я до сих пор перейти к размеренному ритму жизни, чувствуя быстротечность времени, которого не так уж много впереди. Но меньше суечусь по праздным мелочам, и больше иду в единении с миром безлюдья. С миром Божьим. Иду и думаю.

Движение – это жизнь. Тот, кто путешествовал, а не просто ездил на отдых, знает, что это не расхожая фраза с абстрактным смыслом. Для путешественника эта фраза обретает конкретное наполнение, ощущаемое человеком не только эмоционально, но и физически. Его организм собирает все силы, если собран и настроен его разум. И человек оставляет позади все мелкие проблемы. Он движется, потому что сама дорога и есть его цель. И ему ничего не нужно ждать, мучаясь из-за неопределённости результата. Всё здесь и сейчас. Всё ощутимо и познаваемо в каждый момент жизни в пути.

В пути, мир, напоминающий нам о вечности, мир природы, обрастает миром человеческих культур, если не вечных, то уходящих корнями в очень далёкое прошлое. И главное – постоянно живых и меняющихся. И я ощущаю себя носителем культуры своих предков, и собственной культуры, среди людей с другим взглядом на жизнь. И сколько между нами разного, столько же и общего. Я обогащаюсь их культурой, потому что уважаю её и жадно впитываю всё, что с ней связано. Они узнают о моей культуре, и все мы понимаем, что можем оставаться самими собою, и при этом развиваться вместе.

От разнообразия, от культурного богатства мира – кружится голова! И это то неповторимое чувство, которое даёт бесконечный заряд жизни. Даже искусство в своих многочисленных проявлениях – только часть поистине бесконечного разнообразия нашего мира. И не в мозаику складываются эти элементы, ибо никакая завораживающая своей красотой мозаика не может меняться в каждый момент времени, не может меняться по нашему желанию. Рукотворное – статично. Сотворённое Всевышним неповторимо и изменчиво. И нам дана воля участвовать

в этих изменениях. И нам дана возможность познавать мир, наш мир, нам данный, отчасти нами созданный и нами изменяемый.

«Третий мир» может показать не только примеры разрухи и ненависти. Он может рассказать историю жизни в гармонии с природой. Мир «первый» расскажет историю прогресса, приведшего к порогу краха. Но только все вместе мы можем избежать этого краха. Только люди нового времени, открытые не развлекательной картинке с экрана компьютера, а настоящему культурному богатству нашей планеты. Соприкоснувшись с ним хоть раз, уже не захочется возвращаться в искусственную реальность. Она слишком сильно отдаёт пластмассовым привкусом. Выбери натуральный вкус.

Восхищение

Красота. Чувствуй её и не сдерживай эмоции – откроешь в себе восхищение. Восхищение разжигает пламя внутри, пламя, которое греет, но не жжёт.

Многолика красота, но венцом её является красота женщины. Недаром древние мистики, хуруфиты, видели явление Господа в лицах прекрасных девушек. И чего стоит жизнь без этой красоты? Можно радоваться многому в мире, но не найдя этой высшей красоты, остаётся только счастье умиротворения. И восхищением пресытишься, когда оно начнёт меркнуть, не имея в себе огня, зажигаемого только от прекрасного взгляда глаз, в которых видели мистики отражение Всевышнего.

Сможешь ли увидеть красоту женщины сквозь маску её? Что на ней надето, что призвано её украшать – это тень, оттенок красоты. Но суть в том, что он оттеняет. И в сути своей прекрасное безгранично. Взгляд, выражение лица, эмоции, которые оно выражает, улыбка, голос и смех, волосы. Любая мельчайшая деталь, прикосновение руки, сами руки и походка – всё. И в каждом случае всё это не похоже на других столь же прекрасных женщин. В этом и суть – один взгляд может заставить восхищаться. Может добавить инстинктам, неизменным и естественным, чувства, данного только человеку. Чувства, в котором разум играет свою роль, но которое никогда не ограничивается ни разумом, ни телом.

Душа, как бы ни трепали это слово, это больше, чем сознание и инстинкты. Это тот случай, когда сложив все составляющие, мы получаем не их набор, а нечто совершенно новое. Восхищение.

Жалко тех, кто меряет красоту стандартами собственных эталонов. Тем самым убивая её. Мёртвая красота – это копия. Это попытка достичь идеала оригинала, не понимая, что идеал недостижим, потому что он жив, а копия мертва. Жизнь не бывает без изъянов. И красота с изъянами. Потому она и восхищает, что дышит жизнью, а не лабораторной стерильностью.

Сколько недостатков в каждой прекрасной женщине... И как замечательно они сливаются в гармоничную и неповторимую личность, присутствие которой заставляет смотреть на мир по-новому. Личность, в которой внешность сплетена воедино с разумом, душой и талантом. Женщина, не только отражающая своей красотой Творца, но и сама ставшая творцом, приобретает особый огонь в глазах и покоряет любого, кто хранит в себе огонь творчества. Ведь творчество, искусство, по словам поэта – «это протест против себя как животного». И именно оно воплощает личность в её завершённом виде.

Талант – громкое слово. Что такое талант? Мысль и чувство, сплетённые воедино, выстраданные и приведшие к порогу сознания. Длинно, запутано, сложно? Но и жизнь, к счастью, не прямолинейна. Что уж говорить о красоте, дарящей восхищение.

Услышав песню, исполненную прекрасным голосом. Увидев картину, написанную прекрасной девушкой. Прочитав книгу, в которой выражены переживания писавшей её. Любишь их уже за то, что они есть. За то, что они переживают и творят. За их красоту, внутреннюю и внешнюю, за их недостатки и за ту неповторимую гармонию, в которую всё это сливается.

Это приводит к восхищению и венчает восхищение от мира. От его познания и участия в его жизни. Это вдохновляет душу так, как благие мысли вдохновляют разум. И если красота мира, познаваемая в пути, постоянно меняет и побуждает идти дальше, то красота, в которой отражён лик Создателя вечности, зовёт остановиться, и дарит покой, согревающий теплом восхищения и позволяющий завершить любой путь в гармонии с собой, не став вечным скитальцем.

Время Луны

– Смотри, вон там были холмы и за ними мы сидели и жгли костры. Бывало ночами сидели. За холмами нас не было видно, тем более, что пустырь был очень большой. И такое уединение, конечно, притягивало. Это сейчас почти всё застроили домами.

– С этой крыши далеко видно.

– Да, и посидеть на ней всегда приятно. Посмотреть на ночной город и подумать. Ты же знаешь, я люблю высоту, тишину и ночь.

– Звёздное небо. Бескрайнее и ясное. Ты знаешь, где созвездия расположены?

– Нет. Я и космонавтом то в детстве стать не мечтал. И хотя астрономией увлекался, но всё больше рассматривал звёзды и планеты в книгах, а не в небе. А вот Луной люблюсь и сегодня.

– Демоническое впечатление производит полная Луна. Ясная и вся изрезанная кратерами-шрамами. А вокруг тьма.

– Так она и есть свет в этой тьме. И в то же время, свет этот – обман, ведь Луна только отражает свет звёзд.

– Вряд ли нам это важно. Куда важнее то, как мы смотрим на эту Луну – вскользь или заворожено и подолгу.

– Подолгу и заворожено. С этой крыши по-другому Луна не видится, и поэтому те, кто живёт вскользь, на крышу и не лезут. Им хватает кубика комнаты с небольшим окном.

– Ага. Знаешь, им вообще немного надо. Неприхотливый народ.

– Но при этом очень завистливый. Они же все стараются догнать и обогнать своих соседей и родственников, а рамки для гонки и цели самой гонки задают им рекламщики и пиарщики.

– И в то же время они находят в этом счастье.

– Возможно. Сказал же герой одного хорошего фильма: «Потолочки бывают два двадцать. Дома такие делают. И людишек специальных вывели. Там они и живут».

– Все мы не без греха.

– Согласен. Все мы не без изъяна. Кто-то ищет его в себе, а кто-то просто с ним живёт и не беспокоится.

– А кто-то на Луну воеет от изъяна своего.

– Ха! Вою я, и приближаю Время Луны.

– Что ещё за Время Луны?

– Знаешь, у многих древних цивилизаций календарь основан не на солнечных циклах, а на лунных. У арабов до сих пор лунный календарь.

– И что?

– Получается, что Луна отсчитывает время их жизни. И легенда была о том, что Луна, принимая ночью права Солнца, меняет ход времени. Пока люди спят, мир незаметно для них меняется. И большинству не дано ощутить и понять эти изменения. Людям кажется, что всё осталось как прежде. И только познавшие Время Луны, и ставшие его частью, соприкасаются с мудростью Творца. А остальные согреваемы Солнцем, как младенцы в материнских объятиях, не думают об этом. Луна же не дарит своё Время просто так. Она обжигает холодом и заставляет человека жечь себя изнутри, в мыслях своих рыться и воевать с самим собой.

– Печальная легенда. Что же случается с теми, кто добрался до истины?

- Они уходят вслед за Луной и живут в её Времени.
- А мы в каком времени сейчас?
- А в каком ты хочешь быть?

Помни обо мне

Они потушат свет, и сидя в полумраке, мы будем тихонько разговаривать. О новостях, о событиях и планах. И, конечно же, о чувствах. Чувствах, которые постоянно меняются, разгораются и гаснут, но только чтобы вновь вспылать с новой силой.

Здесь, также как и много лет назад в подобных маленьких кафе у нас дома, в нашем городе. Только там не было музыки, живой и прекрасной. Там вообще не хватало музыки. Было много попыток подменить её неким искривлённым звуком. Но звук этот мог дать что угодно – от веселья до отвращения, кроме главного – восторга и полного погружения в каждую ноту.

И вот сейчас мы сидим и пропускаем сквозь себя эти ноты, этот прекрасный голос вокалистки. Кстати, интересно, женщины знают, что мужчина может влюбиться в голос? И голос этот захватит его настолько, что позабудет он обо всех внешних недостатках обладательницы голоса. Внутренние недостатки? А какие внутренние недостатки могут быть у такого голоса?

Моменты, которые хочется остановить – это и есть счастье. И не важно – это моменты безудержного движения или умиротворённого покоя. Важно, что в них замирает всё, а ощущается только хорошее.

Годы меняют всё и всех. И нас. И столько можно обсудить, и обо всём произошедшем можно подумать и посоветоваться. И главное, что хочется это сделать. А значит, мы с тобой не поменялись в главном – мы по-прежнему близки. И я по-прежнему помню о тебе всегда.

И когда мы допьём этот кофе и дослушаем джаз, мы пойдём дальше. Пойдём жить. И звучать будет много музыки в унисон с нашим разумом и нашей душой. Музыка, сыгранной кем-то или созданной самой Вселенной. И будет место и умиротворяющему блюзу, и бурному джазу, и напористому хип-хопу, и даже меланхоличному року, с надрывом души созданному теми, кого уже давно нет с нами.

Искренняя память и дружба не становятся пеплом.

Человек и фотография

Телефон не звонит...

Эта фраза могла бы стать отличным началом сказочной романтической истории с обязательным хэппи-эндом. Но станет эта фраза вступлением к реальности.

Телефон молчал. И пусть бы молчал, ведь к одиночеству он привык. Однако как бы ни была привычна пустота и тишина, сколько бы миров, невидимых за суетой, она не скрывала, есть те слова, голоса, звонки, письма и люди, которые должны своим явлением нарушить тишину и заполнить пустоту. Их появление желанно и ожидаемо.

Он смотрел на фотографию. Фотографию из другого мира. Другого образа жизни. Фотографию, хранившую множество мелких памятных моментов. Памятных для него. Моментов, на которые кто-то другой бы даже и не обратил внимания. Но в его мире они были ценны.

Молчание телефона нельзя было исправить самому. Не нужно было, бессмысленно. Никогда нельзя было сказать по телефону важного. Нельзя было свести разные миры. Миры, пересечение которых было уловимо только в те немногие моменты встреч и важных разговоров по душам. До них, и после них, обе души жили согласно своим желаниям, потребностям и возможностям. И часто не понимали этой жизни друг друга, что в прочем было не важно, и никак не умоляло тех моментов, о которых он не забывал.

Смотреть на фото, вспоминать и думать. Вспоминать о том, что началом всему была... именно фотография.

Очередной фест местного масштаба, и к тому же «заказной» тематики. Ну что там может быть? Степень критичности была меньше и потому события даже такого «ранга» привлекали хоть какое-то внимание. Попросили опубликовать краткую заметку о нём. Но всё это фон истории. Как и сами «заказные» картинки. А на фоне этом фото. Красивые девушки всегда привлекают внимание. Всегда. Если их образы так и остаются изображением на фото, то забываются с течением времени. Как линяют фото, так время стирает и память. Но стоит перейти им в жизнь, сойдя с картины, и обретают образы новые, совершенно другие оттенки, качества, и историю. Историю, которая делает их частью жизни того, кто совсем недавно всего лишь смотрел на фото и думал только о внешней стороне человека на нём изображённого. Но вот этот человек «ожил» и обрёл голос. И образ его меняется многократно!

Сегодня голос часто обретается в тексте. В примитивном, обрывочном тексте сообщений социальных сетей. И, тем не менее, несмотря на «обрывочность» этот текст врывается в жизнь и вводит туда пишущих на той стороне «линии» сети. От красоты внешней до пары фраз. И молчание.

Молчал не только телефон. Молчал интернет. Его это никак не трогало, ведь не было ещё этих событий, этих мелких моментов, вросших, вплетшихся в его память и его историю. Спустя полгода они начали происходить. От первой встречи до влюблённости. Вероятно не какой-то большой любви, но и не простой симпатии. Потому и назовём это – влюблённостью. А в какие рамки вгонять это слово – решать вам.

Очень разные они люди. И вряд ли смогли бы ужиться. Да и у неё были совсем другие мужчины – любимые, и не очень.

Время шло, размежёвываясь нечастыми встречами. Чувства гасились, мысли затирались и снова загорались и распались. Снова и снова он возвращался к мысли о них. Об их возможном, гипотетическом, общем. Могли бы они быть? Тут даже и не нужно слово «вместе», потому что «они» могли быть только вместе. А иначе – он и она.

Он и она были друзьями. И остаются друзьями. И может, вы будете спорить, но разве не лучше оставаться друзьями, чем расстаться холодными и безразличными друг к другу людьми?

Ни один раз он думал «а что если...». И всегда отвечал «не стоит, не стоит ломать то, что есть». Они не виделись постоянно. И не говорили о мелочах каждый день. Но именно это позволяло им, встретившись после долгой разлуки, говорить и о мелочах и о самой сути. Нет, конечно, одной разлуки было мало, чтобы начать говорить о том, что кроется за словом «суть». И он неоднократно приходил к ней, когда ему было плохо, и хотел ей обо всём сказать. И каждый раз молчал. Молчал не от страха, не от волнения и не от «неудобства» ситуации. Молчал, поговорив с ней. Поговорив о вещах незначительных и сиюминутных. Ему просто становилось легче. Ничего не менялось, жизнь шла своим чередом, снова приходили всё те же мысли. Всё та же тоска, с которой он свыкся. И может быть, не желая признаваться в этом самому себе, он впустил тоску в собственную душу. Она стала его частью. Но эти мелочи, эти встречи радовали его. Хотя, нет. Она радовала его. А он переживал за неё. И в те моменты, когда она была особенно искренней с ним, переживал ещё сильнее. И в те моменты, когда она не переживала, считая свои дела пустяками. А он знал, что за пустяками начинается дорога, по которой лучше не ходить.

В тот год он захотел оставить о себе память. Он рад был, что не сделал этого раньше, хотя такая мысль уже проскакивала. И он понимал, что возможно позже уже не сможет оставить эту память – жизнь разведёт их. Надо было ловить этот период особой близкой дружбы. Конечно, она была удивлена. И даже, наверное, расстрогана. Но это же память о другом мире, и дар из того мира. И вернувшись в свой мир, она забыла об этом напоминании. И жизнь пошла своим чередом. Её и его. Иногда пересекаясь в телефонных звонках и редких встречах.

И в молчании телефона он проводил свою жизнь, думая лишь об одном – возврате. Нет, не в прошлое. О возврате к полноценной жизни, если конечно, можно к его истории применить это слово.

Она позвонит. И на время он забудет о молчании. А что будет потом? Кто же это знает? Фотография будет стоять на столе. Он смотреть. И думать. О себе. Человек и фотография – так могло бы называться эссе об искусстве. Но это эссе о жизни, о хрупком искусстве быть человеком, не только в застывшей позе фотоснимка, но и в постоянном движении, делающем остановки, благодаря голосу и тексту.

Ожидание

Мы с тобой живём, словно в разных мирах. Люди, которые нас окружают. Места, в которых мы бываем. Быт. Вкусы. Всё отличается.

Мы нечасто, совсем нечасто с тобою видимся. Очень мало разговариваем. Редко пишем друг другу. Я не люблю писать в интернете. Не люблю обрывочное общение социальных сетей. Говорить надо, глядя друг другу в глаза. Или писать, но писать письма. Пусть по электронной почте, но только не в чате. Письма, в которых расстилается часть жизни. Расстилается время.

Я могу тобой восхищаться. Это очень важно. Для чего? Не для чего. Важно само по себе. Я помню тебя совсем юной девочкой-подростком, с косичками, в ботинках с разноцветными шнурками и в синей кепке, которую я запомнил навсегда. И я вижу тебя сейчас, великолепной восхитительной девушкой! Глядя на тебя, я понимаю, что значит быть безукоризненной. Твоему вкусу завидуют многие женщины. Очень многие. Никогда ничего лишнего в одежде. Всё подобрано идеально. Это тебя выделяет среди них. Выделяет внешне. Но в то же время делает намёки и о твоём внутреннем мире.

Только намёки эти мне и не нужны. Я знаю, насколько ты интересна. Как собеседник, как человек.

Мы никогда не говорили с тобой о ломке творческого человека. Сейчас, когда я пишу всё это, я думаю, возможно, у тебя её и не было? Твоё творчество со стороны кажется таким естественным и гармоничным. Когда ты поёшь, кажется, что по-другому и быть не может. Нельзя, чтобы ты не пела. Чтобы ходила на какую-то невнятную работу клерка. Когда ты поёшь, чуткий слушатель испытывает удовольствие, которое нельзя и не нужно описывать. Как настоящая эмоция, оно не может быть втиснуто в рамки текста.

Но текст мой близкий товарищ и давний друг. Так вот с тобою, даже в короткой переписке, мой текст становится аккуратным. По-другому и не должно быть.

Я в последние годы всё больше натываюсь на границы слов. И понимаю, что всё не должно быть высказано. Должна оставаться недосказанность. Она подруга эмоции и чувства. Недосказанность, которая открывает множество путей для поиска смысла. И множество смыслов. И так текст из проволочного забора, замыкающего и запрещающего всё, что в него не попало, становится лучами света, которые показывают сотни направлений под разными углами и в разных плоскостях.

Я могу жаловаться на жизнь. Но я хочу её также и поблагодарить за важные встречи и знакомства. Я сейчас даже не могу вспомнить, когда и как мы познакомились. Помню, что в школе. Помню, что потом созванивались и встречались в другом городе. И снова уже в нашем родном городе. А позже уже совсем далеко, и опять дома. Так в эти редкие встречи и создавалось то, что кроется за общением. То, что остаётся в памяти и в душе. Я всё чаще задумываюсь о том, что всё-таки душа – это не абстракция, которой объясняют всё нематериальное и не имеющее физического воплощения. Душа – это вполне реально существующая часть человека. Без неё меняются строго определяемые и описанные наукой процессы в мозгу и теле. А значит, она нужна. Хотя бы для того, чтобы помнить о друзьях, о важных для меня людях, думать о них и говорить о них с моим другом – текстом.

Страх и любовь

Не объяснит этого наука, но страх имеет свойство въедаться в пространство. Вроде бы это только человеческая эмоция, тем не менее, им пропитываются бездушные бетонные стены. И излучают страх вокруг себя. И ты, попав в город, пропитанный страхом, начинаешь чувствовать холодок, пробегающий по спине. Хотя причём здесь ты? Ты чужой в этом городе и посторонний в его жизни. Тебя не касаются происходящие в нём события, и завтра тебя, быть может, в этом городе не будет. Но вопреки всем этим логическим объяснениям – ты пропитываешься страхом, пока находишься на его территории.

И если настолько сильно страх бьёт даже случайного приезжего, каково же тем, кто живёт в этом страхе постоянно? И каково тем, для кого этот страх не труднообъяснимый внутренний, а вполне приземлённый и прозаический – страх войны?

Самолёт – исчадие ада, а не мирная «железная птица». Его гул – сигнал, чтобы бежать. В подвал, куда угодно ещё, где только есть шанс выжить во время бомбёжки. И всем не до жизненных радостей. Нет больше радостей – только бы выжить. Может потом. Что-то останется. Что-то вернётся. Что-то будет...

Он и до войны был странным. Не от мира сего. Жил в стороне от других. В этом небольшом городке, где все друг друга знают хотя бы в лицо, он держался особняком, общаясь с несколькими старыми друзьями. Часто бродил в одиночестве по пригородным лесам. Слушал музыку. Соседские бабки, чей смысл жизни – собирать сплетни, обсуждали его. «Никак не перебесится», «взрослый уже», «не женится, всё один», «а кто их сейчас знает», «да этот совсем странный какой-то, с головой не того у него». Да оно и понятно – в чужой голове потёмки, и потёмки эти пугают, особенно если в своей светло и кристально чисто, от того, что абсолютно пусто.

Жизнь кое-как ковыляла. И не стоит спрашивать нравилась ли она ему и что в его голове творилось. А ещё меньше нужно вам знать, что было в его душе. Всякое там бывало, и описывать это можно бесконечно. Только будете ли вы это читать? И не потонете ли в скуке? Прервала все эти размышления война. Не до размышлений стало. Точнее должно было стать. А в реальности, после встряски первых дней, дальше начался период приспособления. И вот тут-то с ним стали происходить странные вещи. Сначала было очень страшно. Панически. А потом стало отпускать. И не понятно почему, ведь война не закончилась и ничего хорошего в ближайшем будущем не сулила. Но он стал возвращаться к своей обычной жизни. И во всеобщем страхе стал снова слушать музыку. И приглашать к себе свою подругу. Она не понимала, откуда взялась эта смелость у её друга, не блиставшего показным героизмом и далёкого от военных дел. Его-то как раз война должна была пугать. А он, как ни в чём не бывало, говорит про свою страсть – музыку. И... тащит её в постель.

Может это он напоследок хочет получить максимум удовольствия? Но многие уже и не думают об этом. Трясутся от страха за свою жизнь. И это логично. И самой-то не очень хочется... Не о том мысли.

Сколько мне жить осталось? Такая мысль была в его голове всегда. И с приходом войны она стала только более уместной, в то время как у других она появилась внезапно. До войны большинство народа о ней как-то особо и не думало. Помни о смерти – вечный афоризм. И вот эта память лишней раз подчеркнула для него неизменность жизни. Что до войны, что сейчас – его никто не ждал, и с его смертью ничего бы не изменилось. Так зачем же менять саму жизнь? Музыка и женщина – это то, что всегда приносило максимум удовольствия. И сейчас ничего не изменилось. Когда снимаешь с неё тонкое платье, и её влажное от летней жары тело оказывается в объятиях твоих рук. Она ещё испугано дёргается от звука пролетающего вдалеке самолёта. Но через пару минут, их уже не беспокоят голоса с фронта. Пусть он где-то недалеко. Они

не слышат фронта. Войны. Ненависти. Мир горит синим пламенем. Какая тут любовь, и какой уж тут секс? А они любят друг друга и получают удовольствие. Они не от мира сего. Явно.

Час і павага

Што мы маем агульнага? Шмат. Шмат палыну. У разуменні свету. У поглядзе на яго.
Розум – тое, што маеш ты. Уласны погляд на свет. І веды. Веды, якіх не маю я. І таму чакаю тваё меркаванне. Пра тое, што ведаю і думаю я. І пра тое, што я раблю.

Час. Цячэ. І цячэ дарма. Для мяне прынамсі. Я магу, канечне, тое-сёе сказаць пра абставіны. Пра іх ролю ў гэтай агоніі часу.

Не буду. Бо акрамя абставін ёсць я. Які забівае час, як сапраўдны снайпер. Майстарскі.
Ці смешна тое? Пэўна з боку так і выглядае.

Але.

Не для мяне.

Ты ж гэта ўсё разумееш? Бо ты разумная. Разумная – значыць думаеш. Думаеш і робіш высновы. Гэта і ёсць розум – крытычны. Які мае падмурак. Сумнеў.

Сумнеў – падмурак розуму. І свабоды. І сумлення.

Падмурак культуры. А значыць і цывілізацыі.

Літаратура. Той канструктар, што складаем мы. Як чытачы. І як стваральнікі. І як крытыкі. Бо кожны, хто чытае і думае над прачытаным – крытык. І кожны, хто адчувае літаратуру, перамолвае яе жорнамі сумневу – стваральнік.

Ты – мой крытык. Добры крытык. Шчыры. Які стварае.

Ува мне.

Упэўненасць.

Павага.

Тое, што я сам ствараю ў сабе.

Павага да цябе.

Час гіне. Мы бачымся зрэдку. Я не ўмею жыць у сеціве. Сапраўдная размова для мяне магчымая толькі ў рэчаіснасці.

І таму гэтыя рэдкія сустрэчы – як фотаздымкі жыцця.

На памяць.

І на шчасце.

Дзякуй!

І да сустрэчы.

Пересечь океан

Как там? Я понимаю, что совершенно иначе, чем здесь. Понимаю, как тяжело было оказаться там одной. Понимаю, что эмиграция – это всегда тяжело. Даже если не мучают метафизические ностальгирующие рассуждения. Но мучает ностальгия натуральная, легко объяснимая. Ностальгия по близким.

Там всё иначе и непонятно вначале. И страшно. Особенно, когда нужно обыграть бюрократическую машину. Я всё это понимаю. И очень рад, что у тебя получилось.

Мы не были здесь близко знакомы до твоего отъезда. И теперь мы общаемся больше чем раньше. Теперь, когда нас разделяет океан. И когда ты приезжаешь раз в пару лет. Приезжаешь, пересекая океан уже с совсем другими возможностями, чем когда ты пересекала его впервые.

И ты видишь, что здесь всё иначе, и непонятно, как так можно жить, ничего не меняя. Оно то и здесь это не хочется принимать как должное. А сравнив... я понимаю, что тебе всё это ещё сильнее бросается в глаза. Бытовая глупость, ставшая для нас уже естественной. К несчастью, ставшая для нас таковой. Это ведь значит, что мы под стать этой глупости – глупы.

Я понимаю, что здесь тяжелее дышать. Не только в метафоричном, но и в прямом смысле. Нас медленно убивает всё то и все те, кто превратил нашу экосистему в помойную яму. Понимаю, что здесь невыносимо от узости мышления людей, от их закомплексованности, от их грубости. Да я и сам отчасти этим болен. Я же здесь живу. И здесь не увижу наивных, словно дети, людей, живущих радостно и беззаботно. А если и увижу, то вызовет это подозрение – не следствие ли глупости эта наивность? Или может им не приходится решать ни единой проблемы, и они просто играют в жизнь, а за это кто-то платит?

Ты понимаешь, мы все тут погрязли в подобных рассуждениях и подозрениях. Мы без них не можем оценить ситуацию, которая требует быть настороже. И они, эти подозрения, нас съедают.

Ты понимаешь, что так быть не должно. Но ты же понимаешь, что все здоровые и верные слова о том, как должно быть, здесь разбиваются о страх, воспитанный с детства самой жизнью и теми, кто живёт вокруг. Они просто тонут в том океане, который большинству из нас не пересечь.

Это куда сложнее географии. Это внутри. Свёрнуто знаком вопроса, на который ответить может только каждый из нас.

Ты ответила для себя, наверное. В любом случае – я очень рад тебя видеть. Всегда. И очень рад, что ты смогла пересечь океан.

Рассказы и Повести

ВЫЗОВ

Красноватые прожилки в глазах и на коже. Мятая кожа. Но что хуже всего – крепость рук уже совсем не та. Дрожь в руках отражалась недовольным подрагиванием сжатых губ и яростью в глазах. Но ярость эта уже не была символом силы и молодости. Она не пугала своей решительностью. Это была ярость старика, дрожавшего от страха потерять единственное, что у него осталось. И самое дорогое, что когда-либо было – власть. Власть была целью и ценностью. И только власть для него ими и останется. Жизнь? Жизнь уже не была ценностью в его возрасте. К тому же он не помнил жизни без власти.

На столе лежала книга в тёмном коричневом переплёте. Книга, воплощавшая стремление к власти. Он всё чаще заглядывал в неё. Не столько чтобы узнать и использовать, ведь все рецепты универсальны и применялись властолюбцами всех мастей во все эпохи. Он читал её, чтобы окунуться в мир времён, когда дрожи в руках не было, а ярость в глазах вселяла ужас в каждого подчинённого. Во времена, когда усы над грозными складками губ вместе с сиплым кричащим голосом заставляли дрожать миллионы рабов, каждый из которых дорожил жизнью, свободой, «тёплым местом» и собственным рабством. Дорожил, потому что не только боялся, но и любил его, обожествляя, с радостью и превеликим облегчением отдавая ему свою свободу.

Книга, лежавшая на столе, называлась «Моя борьба». И написана была в то, время, когда автору ещё ничего не предвещало краха. Символично и то, что смерть автора была лишь физической гибелью тела, но не смертью идеи – она жива и поныне. Каждый читатель и почитатель, достигнув своего олимпа власти, проходит и через свой личный крах, под давлением не пожелавших стать рабами или подчинившись непреклонной, куда более сильной, власти старости и смерти.

– Он стар, слаб и боится.

– У него в руках армия. Огромная армия, спецслужбы, менты.

– Мы будем бить, когда они не ожидают удара. Система неповоротлива. Она разрослась, наплодив огромное количество чиновников, и процесс принятия решений стал настолько долгим, что они не в силах реагировать на наши молниеносные выпады.

– В таких условиях они дают неограниченные полномочия тем, кто в состоянии реагировать. И спасают свои жопы.

– Это мы ещё посмотрим, спасут ли.

Начиналось всё с небольшой группки людей, которым надоело махать флагами на митингах, потому что митинги просто разгонялись, без каких-либо последствий для власти. Надоело им и чесать языками на сходках и на страницах интернет изданий. В этом было ещё меньше смысла, чем в митингах. Точнее смысл может и был, но чисто символический – засвидетельствовать своё «против». Зато они внимательно изучили и обдумали уроки истории, уроки революций прошлого века. И поняли, что побеждает тот, кто действует по ситуации, ради достижения чёткой реальной цели. Тот же, кто переписывает идеалы, так и остаётся наедине с ними. Конечно, они ставили рамки своим действиям, рамки, которые не должны были превратить их в тоталитарную тусовку, свиту обожествлённого вождя. Да только каждый понимал, что всё зависит от совести наиболее активных персон, ставших лидерами этого движения. А совесть – чувство субъективное.

В стране расцветал авторитаризм. Всё подчинялось единой системе, во главе которой сидел обожествлённый царь. Он «по-отечески» карал и миловал. «По-отечески» он подчинил весь бизнес, в том числе теневой, и получал с него огромные суммы в собственный карман. Тем, кто не попадал в банду или даже в её шушере – мелкий обслуживающий персонал в чиновничьем аппарате, оставалось работать на их благо и не высовываться. Или высунуться и сидеть по выдуманному обвинению.

Многие из несогласных свято верили и надеялись, что эта система рухнет, ведь экономика не развивается, инициатива подавляется, а количество дармоедов, грызущих бюджет постоянно растёт. И в теории так и должно было произойти – масса холуёв должна была превысить возможности денежной массы. В теории, но на практике соседняя империя подкармливала местного царька, чтобы установить тотальный контроль над колонией. Что и было сделано аккуратно и быстро.

В отличие от других несогласных, громко говоривших в пустоту, представители этой тусовки молчали. И думали. Думали над одним вопросом – где взять деньги. Ведь деньги – это и есть власть. Решение было только одно – перейти грань закона. Долгих споров не было. Контингент там был не любящий споров, но любящий деньги. Постепенно вызов был брошен многим сытым и привыкшим к безопасной жизни. И многие расстались со своими деньгами. Приток денег притягивал и новых людей. Притягивал и внимание власти. Война, которую власть объявила своим конкурентам, велась привычными методами. Да только уничтожить они не смогли на тот момент ещё не особо многочисленную организацию. Не смогли из-за собственной тупости, которая не позволяла им предугадывать ходы противника. А также из-за отсутствия границы с соседней империей. После каждого налёта все «партизаны», а именно так они себя именовали, исчезали в бескрайних просторах имперских земель. Жёсткая дисциплина и координация действий. Продуманный план каждого удара. Практически полное отсутствие связей с внешним миром. Всё это делало партизан неуязвимыми. И всё это давало почти неограниченную власть лидерам организации. Удерживать контроль над такой структурой можно было только силой, только переступая ряд гуманных принципов. Иначе – организация была бы уничтожена. Так был запущен процесс её перерождения в банду. Хотя собственно изначально только банда могла воевать с бандой власти.

Змеи. Вокруг змеи. Я их из говна достал, а они теперь меня туда сбросить хотят. Кому я здесь могу доверять? Да никому! Каждый из них улыбается мне в лицо и плетёт интриги за спиной. Выгнать бы их всех и поднять снизу новых, молодых, которые будут лизать мне ноги, пока тоже не зажгутся и не зазнаются. Так я правил десятилетиями, перетряхивая и держа в постоянном страхе. Но сейчас и так всё висит на слишком тонких нитях – порви одну и могут оборваться все. Ещё и эти партизаны. Неуловимые мстители, мать их!

В последнее время стал дёргаться глаз. Смотрю в зеркало – мешки под глазами. Плохо сплю. Проклятая старость. И со всех сторон воронья слетелось и ждёт, когда я умру. Каждый из них мечтает занять моё место. Представляю, какая грызня начнётся за «трон». Уродцы. Они могут только исподтишка ударить, но никто не выйдет лицом к лицу, никто не ударит, находясь в невыгодном положении. Я рисковал и потому выиграл, а что могут эти мямли?!

Положение в стране менялось непривычно быстро. Непривычно, ведь годами главным лозунгом, вдолбленным в головы серой запуганной массы, была «стабильность». В этом слове заключалась вся идеология государства, с такими ключевыми пунктами, как отсутствие войны.

О, как любил электорат приговаривать «только б не было войны». И под это чавканье его загоняли в стойло и всё больше топили в говне.

Рухнуло всё, когда те, отказавшиеся чавкать в стойле, бросили вызов и решили урвать свой кусок. Они откусывали всё больше. Деньги делались на всём и в том числе за пределами страны, в соседней империи, что делало уничтожение партизан ещё более сложной задачей. Деньги они тратили с толком, покупая цепных псов власти и уничтожая важные для системы технические объекты. Они не создавали показных терактов против мирного населения, хотя пару таковых, были устроены властями, чтобы потом повесить на неуловимых врагов. Они били по деньгам, уничтожая электростанции и трубопроводы. Миллионы долларов, тратимых на восстановление, сделали бюджет совсем дырявым, а страх перед властью стал исчезать. Все видели, что появляется новая власть, которая в состоянии бросить вызов существующей.

Даже пропаганда стала захлёбываться и затыкаться. Вождь стал меньше мелькать на ТВ, а каждое его появление обсуждалось совсем с другими интонациями. Если раньше это был страх, смешанный с раболепием, то сейчас обсуждались подробности усталого и резко постаревшего лица. По факту, в стране, так хваставшейся своей стабильностью, шла гражданская война. И война эта была не только по финансовому благополучию государства, она была по его престижу на всех уровнях. Малолетки уже не стремились стать ментами или спецназовцами, хотя раньше это была самая прибыльная и безмозглая работа. Но с тех пор как количество ментовских трупов исчисляется тысячами, ажиотаж вокруг тёплых кабинетов пропал. Разбегаются все гордые носители погон и никто уже не рвётся защищать эту власть.

Почувствовав ветер перемен, стали вылезать политические тусовщики всех цветов. Да только не все из них понимали, кто управляет этим ветром. Кричать внутри тусовок они могли, а вот радикалов, попытавшихся влезть в нишу «партизан», последние быстро выкинули назад в кухни и интернет, оставив им роль издателей грозных прокламаций.

Последние пропагандистские фильмы про партизан, связанных с оранжевой чумой, госдепом США и исламским терроризмом одновременно, уже никто не смотрел. Всем было всё равно с кем они там связаны, интересовало только одно – что будет после их прихода к власти. А в том, что они к ней придут, уже практически никто не сомневался. Особенно после того, как в соседней империи в ответ на попытки имперских властей найти и уничтожить баламуты колонии, были убиты два высокопоставленных чиновника, один из которых был главой крупнейшей государственной корпорации и по совместительству занимался продажей оружия в страны третьего мира, в том числе и в обход международных договоров. Это был показательный акт, после которого все, кто пытался вырваться из оков империи, рванули изо всех сил и одновременно. И империя закачалась. Ей было уже не до соседки-колонии.

В последнее время он уже ни о чём не думал. Он вспоминал о прошлом. Уходил в ностальгию. И это было ярким свидетельством его проигрыша. Он и сам всё понимал. Хуже было то, что потеряв силу, он полностью сдался на милость страха. А страх никого не миловал, он точил его изо дня в день. Смерть приближалась со всех сторон – со стороны старости и со стороны партизан. Кто кого опередит? Партизаны были быстрее природы. И сыграли с диктатором шутку, которой он так боялся. Его убили самые приближённые, которых он сам и поднял на самый верх. Партизаны умели делать предложения, от которых никто не мог отказаться. Умели они и выбирать самых двуличных и хитрых. В общем-то, в последнем не было

ничего нового, так делал и некогда всемогущий вождь. Важно было во время сбросить их в говно, из которого ранее достал. Не успел, прозевал момент, и вот уже сам в говне.

Партизаны этот момент уловили правильно. Снеся голову власти, они стали рубить и руки. Всё это время номинальным главой был один из министров, серый и неприметный клерк. Наверху он оказался лишь потому, что остальные либо были убиты, либо бежали. Он был готов на любые реформы и выборы, лишь бы избежать практически неизбежной участи. Так у власти появилось непонятно откуда взявшееся временное правительство. Точнее всё было вполне понятно. Но появилось оно внезапно. На самом ли деле исполняющим обязанности президента был лидер повстанцев или это была очередная марионетка, никто не знал. Но все были уверены, что власть в руках тех неуловимых партизан, державших страну в страхе на протяжении нескольких лет, и сумевших добиться и вовсе невозможного, о чём большинство даже подумать боялось, – посеять смуту в вечной нерушимой империи.

Новая власть действовала умно и хитро, играя на противоречиях различных соседей, обеспечивала гарантии независимости своей страны. Такая система сдержек и противовесов. Что касается внутренней политики – резко и безаппеляционно были проведены громадные реформы, которых эта страна не видела за всю свою историю. Был сокращён огромный чиновничий аппарат. В экономике убрано немыслимое количество регистрационных свидетельств и лицензий. Были упрощена система сбора налогов. Монополии были ограничены, а убыточные государственные заводы закрыты. Мелкий бизнес стимулировался новым законодательством. Было реформировано образование и медицина. И даже местное самоуправление из символического превратилось в реальное. Государство перестало подавлять национальный язык и культуру. Всё это было сделано часто вопреки протестам. И протесты эти подавлялись. Вот тут-то и заключался главный подвох. Вроде бы всё делалось правильно, но что является правильным, снова определяла власть. Народ, правда, не в состоянии был санкционировать хоть какие-то реформы. Он просто хотел «стабильности». Но и политические противники, готовые участвовать в строительстве новой страны к этому процессу не допускались. С телеэкранов это объяснялось историческими примерами, когда всеобщее участие привело ни к строительству, а к упадку и возврату к власти свергнутой диктатуры.

В стране произошли перемены, но диктатура никуда не уходила, а значит не уходило и тоталитарное мышление, раболепие перед сильной властью и собственная безынициативность большей части народа. Новое правительство стало быстро меняться и некогда монолитная организация партизан, став правящей элитой, стала раскалываться. Одни использовали возможности для создания собственного бизнеса, другие всячески хватались за власть и не собирались её упускать. Третьи и вовсе стали прожигать деньги, как современные нувориши. Независимая пресса писала уже не о похождениях свиты прошлого диктатора, а о приключениях нового президента, точнее «исполняющего обязанности президента». Народ, получив больше возможностей для развития и лишившись множества преград, захотел большего. И из противников старого диктатора стали формироваться противники новой диктатуры. Да и сторонники старого диктатора, уже давно о нём позабывшие, так и не смогли вписаться в новую реальность, всё ещё ожидая подачек от «отеческого» государства.

В этих условиях самые умные, а может даже и совестливые, если это слово можно использовать в данном случае, среди партизан стали говорить о необходимости постепенной передачи власти местным органам самоуправления и рассредоточении функций государства. Так началось формирование оппозиции внутри новой системы, самой опасной оппозиции, так как она была среди своих, и её нельзя было ни контролировать, ни просто уничтожить. В стране началась борьба, по сути, являвшаяся двоевластием.

Стали всплывать факты из деятельности партизан во время войны. Факты эти были неувидительны для думающих людей, но шокировали серое большинство. При этом каждое крыло расколовшейся власти старалось давить компроматом на противоположное. В итоге получалось, что каждая группировка была замешана и в поставках оружия, и в грабежах, и даже в наркотрафике. Но главным ударом стала новость о том, что не всегда партизаны соблюдали собственное правило не воевать с мирным населением. Всплыла история, когда «по ошибке» были убиты невинные люди. А за ними и свидетели, которые могли подпортить имидж организации. История эта была окрашена и внутренним конфликтом – партизаны не ставшие выполнять расстрельный приказ тогда были убиты своими же. Так были представлены более чем убедительные факты, подтверждающие, что сама организация партизан держалась авторитарной властью нескольких лидеров, которые сегодня грызутся за власть.

Закончилось всё посадкой исполняющего обязанности президента. Но как писали независимые СМИ, кулуарную игру проиграл его покровитель, наиболее влиятельный лидер партизан. Был разыгран старый сценарий – его убили заговорщики, остальные лидеры новой власти. После этого, оставшиеся лидеры начали постепенно демократизировать систему управления так, чтобы всем вместе получить лакомые куски в экономике и безопасно уйти в тень. Реальную власть они не потеряли и сегодня. Но в стране началось хоть какое-то развитие, и появилась надежда на уничтожение культа вождя. Надежда довольно призрачная, ведь общество по-прежнему находится на пороге возврата к диктатуре и маятник в любой момент может качнуться в другую сторону.

НЕТ

Нас нет. И про нас уже забывают, хотя тела то ещё живы. Мы горим идеями борьбы и перемен, но потухаем, отстраняемся и глазами циников смотрим на мир, тонущий в возне. Нет никакой общечеловеческой морали, как нет и единства человечества. Есть только время. Этапы которого становятся слоями нашей личной эпохи. И всё что нам остаётся оглянуться и переосмыслить прошедшее. Этот рассказ – переживание, а не только переосмысление. Пятнадцать лет – срок не малый. Пятнадцать лет от оптимизма ребёнка до реализма взрослого. Пятнадцать лет на самообразование и понимание окружающего мира. В небольшом рассказе высказано очень много. Одни события читатель поймёт, другие еле заметит, третьи не заметит вовсе. И это нормально. Краткость оставляет многие темы недосказанными, а значит, позволяет читателю интерпретировать их самостоятельно.

Этот рассказ о параллельных мирах. В нём перекликаются реальные люди и реальные события с людьми и событиями, жившими в мирах разума. Этот рассказ о слове «нет», ставшем универсальным ответом на все чаяния многих поколений. Нам в момент рождения громко сказали «нет» и повторяют это на протяжении всей жизни. Слышишь ты это или не хочешь слышать, для них тебя всё равно давно уже нет.

Часть 1. Вавилон

- Чего ты так смотришь?
- Любуюсь.
- Все вы любуетесь с одной целью.
- Кто мы? Здесь я, и больше никого нет.
- Скажи прямо, что хочешь меня трахнуть.
- Хочу.
- Вот и всё любованье и любовь. Цинизм.
- Цинизм. А что такое цинизм?
- Не надо демагогии. Цинизм – это твоё отношение. На словах любовь, на деле – похоть.
- Культура лежит слишком тонким слоем на многомиллионной истории инстинктов. Да и показная общественная мораль заканчивается тем же – сексом, только с сотней ужимок и замалчиваний.
- Вот это и есть твой цинизм – презрение к морали. Но о каких чувствах тогда ты можешь говорить? Хотя я уже не понимаю, говоришь ли ты о них...
- Знаешь, меня всё чаще называют циником. Называют все – от сопливых романтиков до блаженных революционеров. Самое смешное, что в реальной жизни они ничем от меня не отличаются. Они также жрут и трахаются. Зато, как только дорываются до трёпа безграничного, вот тогда то и начинается «праведный вопль».
- Так что нет ни любви, ни морали, ни романтики?
- Почему же нет? Есть. Только её как золотых песчинок в речном иле – сначала надо перемять тонны песка, чтобы найти граммы золота. Кто-то найдёт, а кто-то раньше кости сложит в тайге бескрайней. Да и как жрать захочется, так и золото потратить не грех. Ну, или мораль отбросить, когда золота нет.
- А ты когда выбросил своё золото?
- Я не выбрасывал. Есть грани, через которые я не переступаю. Но показухи из этого не делаю. «Высокодуховные существа» хранят в шкафах слишком много скелетов, а я предпочитаю скелеты не собирать под бархатным саваном провозглашаемой добродетели.
- О как заговорил, а сказал, что трёп безграничный не любишь.

– Да, и вправду разогнался. Но ты меня поняла, я надеюсь. Кстати, в своё время меня можно было назвать идеалистом и даже романтиком.

– Да ну? И когда же это было?

– Давно.

За десять лет до этого

– И что народ вдруг станет сознательным и глубоко задумается о своей жизни, станет вникать в процессы развития общества? Ты же понимаешь, что этого не произойдёт, ведь каждое следующее неидеальное поколение воспитано своими неидеальными родителями. А без этого ваша анархическая утопия невозможна.

– Но это вовсе не означает, что к ней не нужно стремиться. Ставя утопический идеал и стремясь к нему, ты улучшаешь мир в мелочах, но зато постоянно. И это немаловажно.

– Возможно. Но в каких мелочах ты улучшаешь мир?

– Да во многих. Стараюсь бороться с неонацизмом, просвещать людей, рассказывать об идеях анархизма.

– Как? Клея листовки и издавая прокламации в самиздате? А кто читает твои листовки и статьи? Единицы!

– Всё начинается с единиц. Я не говорю, что все будут их читать и думать над прочитанным. Но каждый человек, начавший думать – это уже личность, которая может бороться.

– То есть спасённая жизнь?

– Ну, можно и так сказать.

– Так вы прям как миссионеры – спасаете жизни от ада?

– Иронизируешь. Мы несём свободу в головы, а не религиозное рабство.

– И в этом вы похожи – также претендуете на истину в последней инстанции.

– Мы терпимо относимся к инакомыслящим, кроме тоталитарных уродов, пытающихся уничтожить всех кроме себя.

Мир разгорался во всей своей красе! Яркое Солнце уходило на запад, расстилаясь красным заревом по верхушкам девятиэтажек и покрывая мой город сумерками. Я наслаждался этими сумерками и этим закатом и мечтал о том времени, когда буду взрослым, буду заниматься творчеством, у меня будет счастливая семья и мир не сломает меня, превратив в серое пятно,двигающееся по заданному маршруту дом-работа без смысла, счастья и ощущения времени. Как я смогу вырваться из этого рабского круга масс я не думал, но верил, что вырвусь. А ещё верил, что буду путешествовать, что город не закроет меня кольцом объездной дороги и последними серыми панельными домами, за которыми открываются пустыри с оврагами, усыпанными бутылочными пробками и редкими кустами с грудой битых бутылок между ветками. И веря в свободу от этих унылых границ, я смотрел на уходящие вдаль линии железнодорожной колеи, бесконечные и скрывающиеся за изогнутым поворотом. Глядел я на них стоя на бетонном мосту, мосту который был для меня ещё одним символом будущего. Как выяснилось позже, символом двусмысленным. Я скорее жёг мосты, нежели их строил. Но именно эти незамысловатые символы и воплощали мою детскую романтику, пропитанную надеждой.

– Зачем тебе эта писанина? Для кого ты издаёшь эти журналы?

– Сказать, что мне это интересно – ничего не сказать. Я пишу, потому что не могу не писать. Все темы моих статей возникают в голове и окапываются в ней до тех пор, пока я не напишу их от начала и до конца. Они точат мою голову, пока не приходит момент, когда новые темы уже не появляются, а старые должны воплотиться в тексте. Я сажусь и пишу.

– Но тебе это не приносит денег.

– И быть может, никогда не принесёт. Что с того?

– Так зачем тратить время и силы? Лучше бы учился тому, что принесёт деньги.

– Всё с денег начинается и лишь ими заканчивается? А как же все те, кто создавал человеческую культуру, не получая с этого ни копейки? Что было бы без них, кроме производства еды и одежды, чем была бы жизнь человека и что бы люди оставляли после себя?

– Философски рассуждаешь. Но кормить детей будешь ты, а не философия, и дети будут тем, что ты оставишь после себя.

– Дети будут моим продолжением, а моё творчество – это то, что я оставляю им. Это процесс моего развития. Текст – это не только выражение мысли. Это ещё и её рождение.

Год спустя

Мой друг – человек ужасно упрямый, ленивый и абсолютно не задумывающийся о будущем. С годами это дало плоды – он стал вести полностью маргинальную жизнь, без будущего, переполненную недовольством собой и отвращением к миру. Всё это приправлено любовью к показному эпатажу – трешевым фильмам, такой же литературе и музыке, смакующей расчленёнку, зомби и показную антирелигиозность. К трешу, так модному у малохолдной молодёжи, чья кишка тонка для соприкосновения с этим в реальности, но за стеклом телеэкрана и динамиками колонок они с этим отлично ладят. Но друг мой никогда не был малохолдным тинейджером, и это многое меняло.

Что нас объединяло, кроме общих музыкальных корней в прошлом? Отчасти отвращение к миру, но это проявилось позже. А тогда нас объединяло восприятие культуры как неотъемлемой части жизни, без убудочной ухмылки, которая вырисовывается при слове субкультура у добропорядочных элементов мозаики, вкалывающих, чтобы выпить в пятницу после пяти вечера, проплевать в субботу и выйти на очередной марафон по перекладыванию бумажек в конторе в понедельник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.